

НАУЧНЫЕ ОБСУЖДЕНИЯ

О КОНЦЕПЦИЯХ ПЕРЕСТРОЙКИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ СССР

Папава В. Г.

(Тбилиси)

Предлагается нетрадиционный подход к определению характера экономической системы нашего общества. Обсуждаются концепция и основные направления ее перестройки.

Значительны экономические преобразования, проводимые в СССР и других странах социализма. Их причины и направления требуют должного теоретического осмысления.

ЗЛОБОДНЕВНЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ

Надо согласиться с [1, с. 396], что в настоящее время перед экономической теорией стоят две важнейшие задачи: выявление основных причин живучести застойной социально-экономической системы (что невозможно без выяснения ее устройства и закономерностей развития) и сравнительное изучение альтернативных путей ее перестройки. Для решения первой задачи прежде всего необходимо исследовать особенности экономической системы СССР.

В этом направлении имеется определенный опыт. В частности, к настоящему времени появилось множество работ (в основном публицистического характера), в которых делается попытка как-то оценить социально-экономическую природу общественного устройства СССР и некоторых других стран. Можно считать утвердившимися приводимые в этих публикациях определения: «административно-командный социализм», «тоталитарный социализм», «государственно-бюрократический социализм», «казарменный социализм» и т. п. Как правило, их используют в контексте резкой критики нашей общественной системы. Однако те, кто их применяет, вероятно, не сомневаются, что у нас был построен, хотя и уродливый, но все-таки социализм. Из общей картины явно выпадает [1], где нет ни слова о том, что в СССР построен социализм. Обойдя молчанием этот вопрос, авторы всего один раз вскользь обронили, что в нашей стране «антиобщественный режим» [1, с. 399].

Изучение сути экономической системы общества должно завершаться определенными обобщающими оценками. Необходимость в них вызвана, на наш взгляд, по крайней мере, следующими причинами.

Первая состоит в том, что требуется уяснить, насколько перечисленные выше определения нашего общества способны дать ответы на вопросы идеологического характера, нерешенность которых вселяет немалые сомнения в умы сограждан; в частности, может ли социализм в экономическом соревновании победить капитализм, создать более высокую производительность труда и т. п. Ход логических рассуждений прост: если в нашей стране построен социализм хотя и с не очень положительными эпитетами, то почему мы не продвинулись вперед в решении этих вопросов, а по многим параметрам социального развития стоим в одном ряду с развивающимися странами. Таким образом, встает принципиальный вопрос: насколько были правы классики марксизма-лениниз-

ма при определении исторического места капитализма, обосновании преимуществ социализма и т. д.

В упомянутых определениях нашего общества подчеркивается чрезмерная централизация системы управления, доминирующая роль бюрократии, полностью завладевшей государством*. Обращение к подобным негативным сторонам общественного устройства для объяснения причин, почему социализму ни в одной стране не удалось проявить свои теоретические преимущества перед капитализмом, по всей видимости, неправомерно: исторический опыт свидетельствует, что в целом независимо от формы реализации новый способ производства всегда фактически доказывал свое превосходство над всеми предыдущими.

Вторая причина — необходимость осмысления проводимых в нашей экономической системе преобразований, в том числе создания рынков средств производства и рабочей силы, совместных с капиталистическими фирмами предприятий, акционерных обществ и т. п. Частью общественности подобные преобразования воспринимаются как скрытая реставрация капитализма; для многих приставка к этим понятиям определения «социалистический» (например, «социалистический рынок») представляется не более как игрой слов.

Встает вопрос и о понимании сути перестройки. Если это — социальная революция, то следует определить, какую именно экономическую систему заменяют на более прогрессивную. Если же говорят о замене «плохого» социализма на «хороший», то тем самым «девальвируют» понятие «социальная революция», ибо для этой цели вполне достаточна простая реформа.

Таким образом, требуется более четко определиться в обобщающих оценках существующей экономической системы.

ХАРАКТЕР ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ СССР

Можно выделить следующие основные признаки этой системы:

1. С первых дней установления Советской власти земля и другие основные средства производства были объявлены государственной собственностью. Кооперативно-колхозная форма собственности долгое время признавалась второстепенной и фактически подчинялась государству**. Массовое переделывание в конце 50-х — начале 60-х годов колхозов в совхозы, считалось прогрессивным шагом в деле обобществления производства на пути строительства коммунизма.

Концентрация практически всех средств производства в руках государства привела к «полному государственному контролю над всеми сферами экономики, такому, при котором нет места частной инициативе или частному выбору» [2, с. 411].

2. При полном и всеобъемлющем господстве государственной собственности рынок как таковой не был нужен, и поэтому с самого начала в стране закладывались основы народного хозяйства натурального типа. Из-за политического и идеологического противостояния СССР остальному миру практически исключались какие-либо значительные внешнеэкономические взаимосвязи, вследствие чего народное хозяйство удовлетворяло свои потребности только собственными силами.

Натуральный характер народного хозяйства, усугублялся, по крайней

* Следующее замечание вполне распространимо на настоящую статью: «Здесь и далее мы не обсуждаем отдельно роль партии. Партия функционирует в тесном переплетении с государственными органами, являясь доминирующей силой. Повсюду в этой статье такими понятиями, как „государство“, „правительство“ и „бюрократия“, охватывают также учреждения партии» [2, с. 411]. Очевидно, такова и оценка профсоюзов, «ставших вместо организации защиты рядовых работников и их участия в управлении адвокатами администрации» [1, с. 400].

** Вполне распространимо и на нашу страну замечание [2, с. 413], что «в Венгрии существуют кооперативы, особенно в сельском хозяйстве... однако они выросли не из настоящего, добровольного кооперативного движения. По своему характеру они мало отличались от аналогичных предприятий в государственном секторе: их руководители всегда назначались de facto бюрократией, и они должны были выполнять обязательные плановые задания».

мере, двумя обстоятельствами. Во-первых, СССР на деле представлял собой не федеративное, а унитарное государство. Союзные республики, не говоря о других административно-территориальных единицах, были лишены каких-либо реальных экономических прав, и поэтому принцип эквивалентного обмена для них оказался излишним. Во-вторых, игнорирование на практике товарно-денежных отношений, рынка привело к тому, что большинство плановых показателей превратились в натуральные, а обеспечение предприятий средствами производства стало возможным только на основе так называемого натурального фондирования.

После Второй мировой войны, когда оформилась система социализма (объединившая страны, которые также имели ту или иную степень натурализации экономики), натуральный характер народного хозяйства СССР отчасти ослаб. Однако, поскольку экономические взаимосвязи в рамках социалистической системы в основном формировались исходя из политических соображений, это привело к частичному переносу на нее в целом отношений натурального хозяйства.

Натуральные стереотипы хозяйствования, несмотря на немалые усилия в установлении рыночных, в какой-то степени характерны и для отдельных регионов страны. В качестве примера можно привести решение специальной правительственной комиссии, созданной в связи с массовой забастовкой Кузбасских шахтеров, в месячный срок «... рассмотреть вопрос о возможности передачи земель Ельцовского района Алтайского края, прилегающих к городам юга Кузбасса, с целью создания условий для увеличения производства сельхозпродукции для Кузбасса» [3, п. 7]. Оставляя в стороне неэкономические аспекты этого вопроса, заметим, что вместо налаживания здоровых рыночных отношений между городом и селом предлагается осуществление курса натурализации народного хозяйства Кузбасса, что само по себе не решит продовольственную проблему данного региона.

3. Монопольное положение государственной собственности на средства производства привело к тому, что их качество явно не отвечает (за редким исключением) стандартам развитых стран мира.

4. Используя политическую власть, государство путем полной централизации управления экономикой поставило трудящихся в абсолютную личную зависимость. Это выразилось в неэкономическом принуждении к труду, сопровождающемся, говоря языком Маркса, особыми формами эксплуатации человека человеком.

Согласно утвердившимся у нас представлениям основным злом частной собственности является то, что она неизбежно порождает эксплуатацию человека человеком. Но вместе с ее уничтожением и утверждением ее антипода — общественной собственности, уничтожается и эксплуатация. Действительно, с установлением такой собственности был упразднен институт наемного труда, который на языке марксистской политэкономии квалифицируется как форма открытой, непосредственной эксплуатации, когда рабочий явно уступает капиталисту часть результатов своего труда. Но общественная собственность не устранила эксплуатацию; изменилась лишь ее форма.

Сегодня уже общепризнано, что форма общественной собственности — государственная, т. е. общенародная, которая на протяжении всей истории страны считалась основной, создала реальные возможности прежде всего для работников государственного аппарата использовать служебное положение для получения нетрудовых доходов. Считается, что они «воруют у государства»; и на поверхности это выглядит именно так, ибо средства являются его собственностью. Но в действительности чиновники воруют не у государства, а, говоря на языке марксистской политэкономии, осуществляют скрытую, опосредованную эксплуатацию трудящихся.

Определенную часть нетрудовых доходов присваивают и некоторые слои общества, непосредственно не занятые в органах государственного управления, но имеющие прямой доступ к материальным ценностям, «власть» над ними.

Экономику, обладающую перечисленными признаками (сосредоточение земли и других основных средств производства в руках одного собственника; натуральное хозяйство; рутинность техники и технологии; неэкономическое принуждение к труду, угнетение человека человеком при наличии натуральной* формы присвоения), можно, с известной долей условности, оценить как феодальную. У нас в роли феодала выступает государство, которое и монополизировало собственность на землю и другие основные средства производства. Иными словами, экономическая система СССР являет собой тип государственно-монополистического феодализма.

Не исключено, что сегодня не столь выигрышными выглядят рассуждения в терминах способов производства. Предвидя возможные упреки в так называемом «излишнем» схематизме, заметим, что им в большей степени страдают концепции «административно-командного» или «государственно-бюрократического» социализма, которые слепо придерживаются схемы, что за капитализмом обязательно должен следовать социализм и что дороги назад не могло быть.

Предлагаемый подход позволяет без особого труда ответить на вопросы, поставленные в первой части статьи. Ведь феодальная экономика, как доказано историей, не обладает никакими преимуществами по сравнению с капиталистической, и поэтому СССР совместно с другими странами, имеющими аналогичный характер экономики, принципиально не мог победить в экономическом соревновании страны капитализма.

Архаичные возможности и побудительные мотивы экономики феодального характера активно препятствуют внедрению всего нового и прогрессивного; основной принцип ее ведения зиждется на затратном механизме, а основной тип общественного воспроизводства — экстенсивный.

В условиях функционирования такой экономики человек — это прежде всего часть производительных сил и, как следствие, не экономика должна «работать» на него, а наоборот: он на нее. Отсюда — остаточный принцип выделения средств для удовлетворения его потребностей, его развития. Именно феодальный характер экономики предопределил наше отставание от развитых стран по многим социальным параметрам.

Экономическая система государственно-монополистического феодализма имеет все атрибуты классического феодального хозяйства: особое положение помещика, институт управляющих, бесправность трудящихся, обусловленная институтом угнетения человека человеком. Экономическая система государственно-монополистического феодализма из-за чрезмерной концентрации собственности и централизации власти формирует особо сложную и разветвленную систему управляющих, т. е. то, что именуется административно-бюрократическим аппаратом управления. Бесправие и личная зависимость от государства-феодала может вылиться в массовые репрессии как в отношении отдельных лиц, так и целых народов по разумению высшего руководства во имя «достижения» наивысших целей.

Для полноты характеристики рассматриваемой системы коснемся вопроса о предоставляемых ею социальных гарантиях. Полностью разделяя мнение, что они основаны на ценностях уравнилельного, пассивно-исполнительского характера [2, с. 414—420], приведем некоторые дополнительные соображения.

До недавнего времени особыми социальными достижениями СССР и стран с аналогичным общественным строем считались бесплатные образование и медицинская помощь. Сегодня, как выяснилось, такие блага существуют и в развитых капиталистических странах. При этом на них расходуется значительно бо́льшая доля национального дохода, чем у нас. Относительно высокий уровень реализации необходимых социальных гарантий дал возможность, в частности, шведам заявить, что в их монархическом государстве построен так называемый «шведский социализм». Этот пример, а также других развитых капиталистических стран

* Нетрудовые доходы могут выступать в двух формах: денежной и натуральной (предметы потребления, услуги).

говорит о зависимости масштабов социальных гарантий от экономического развития. Но государственно-монополистический феодализм в принципе не способен обеспечить высокий уровень такого развития. Наглядной демонстрацией его «достижений» является официально обнародованная бедность более 40 млн. граждан СССР, существующих за чертой прожиточного минимума.

Признание феодального характера экономической системы СССР наводит на мысль о необходимости хотя бы отчасти пересмотреть нашу точку зрения на теневую экономику в соответствии с тем, в каком соотношении находятся экономические системы феодализма и капитализма.

В теневой экономике условно выделить две, часто сильно переплетенные сферы: теневое предпринимательство, которое охватывает нелегальное производство и сбыт товаров и услуги, и теневой паразитизм — спекуляцию и различного рода деятельность по осуществлению приписок, вымогательств и т. п.*. Заметим, что, если в первом случае доход, по своему характеру в основном является трудовым, то во втором — исключительно нетрудовым.

Исходя из марксистско-ленинского мировоззрения, следует признать прогрессивный характер теневого предпринимательства как зачатка капиталистического ведения производства в недрах феодального хозяйства.

Нелегальное состояние и постоянное преследование со стороны государства-феодала вынудило теневых предпринимателей неофициально платить за свое существование. Паразитические наклонности государства-феодала постепенно реализовались в недрах теневого паразитизма. Следовательно, последний имеет значительную поддержку от экономической системы государственно-монополистического феодализма.

Зарождение теневого предпринимательства практически совпадает с созданием этой системы, т. е. с периодом «военного коммунизма». Во времена нэпа теневое предпринимательство было легализовано, но с конца 20-х — начала 30-х гг. «ушло» в долгое и глубокое подполье. Начатая с весны 1985 г. перестройка в экономической сфере нацелена (идеологически и политически) содействовать его легализации и развитию. Это прежде всего выразилось в признании всех форм экономических методов хозяйствования, разворачивании индивидуальной трудовой деятельности и кооперативного движения. Но вместе с теневым предпринимательством проявились и сильно сплетенные с ним многие виды паразитизма, т. е. значительная часть теневой экономики.

Легализованный теневой паразитизм ставит барьеры на пути реализации экономических методов хозяйствования и развития индивидуальной трудовой деятельности и кооперативного движения, компрометирует их в глазах общественности. Спектр такого паразитизма очень широк — от мелкой спекуляции до взимания государством с легализованного предпринимательства непомерно высоких налогов.

Преодоление склонности к паразитизму возможно только путем кардинальной перестройки всей экономической системы.

* Наиболее полная характеристика теневой экономики дана в [4, с. 67—83]. В составе теневой экономики выделяются: нелегализованная часть «второй» экономики; неформальная экономика, фиктивная экономика, «черный» рынок. Заметим, что подобное членение теневой экономики неоднозначно соотносится с тем, которое предлагается в настоящей статье, исходя из поставленной в ней цели. В частности, основная часть нелегализованной «второй» экономики, за исключением прежде всего социально-неприемлемых видов деятельности (изготовление и реализация наркотиков и т. п.), «попадает» в теневое предпринимательство; часть неформальной экономики в виде личностных взаимоотношений в рамках административно-командных процедур планово-управленческой деятельности относится к теневому паразитизму, а другая часть — в виде нелегальных экономических методов хозяйствования — к теневому предпринимательству; фиктивная экономика практически полностью входит в сферу теневого паразитизма; часть «черного» рынка в виде формально неучтенных целых предприятий или отдельных звеньев государственных предприятий относится к теневому предпринимательству.

Такая перестройка, или, иначе говоря, выход за рамки экономической системы государственно-монополистического феодализма, упирается в следующие преобразования ее основ: окончательный переход от натуральных к рыночным принципам хозяйствования, децентрализацию государственной собственности, полную замену неэкономического принуждения к труду экономической заинтересованностью. Главное из них — децентрализация государственной собственности. Многими специалистами с различной степенью обоснованности высказывается суждение о необходимости наряду с этой собственностью реализовать также коллективную и индивидуальную в самых разнообразных формах.

На фоне популярности идеи плюрализма собственности несколько обособленной выглядит мысль о том, что для оздоровления экономики достаточно демократически обновить, активизировать общенародную собственность и отказаться от остальных необщественных ее форм. Этого якобы требуют сложившиеся в стране, конкретно-исторические условия: например, отсутствие широкого мелкотоварного уклада при наличии оказаненного колхозно-кооперативного сектора.

Такой подход сильно напоминает наш печальный опыт строительства общества, не имеющего аналога в мире. Да и вряд ли стоит надеяться на демократическое обновление, активизацию общественной собственности без экономического соперничества с коллективной и индивидуальной формами. Что касается широкого мелкотоварного уклада, то если не предпринять усилий для его создания, он всегда будет отсутствовать; как показывает практика, мелкотоварное производство имеет вполне определенное место в экономических системах всех развитых стран.

Сомнения по поводу разнообразия форм собственности могут прежде всего касаться приемлемости частной собственности в нашей стране. Неприязнь к ней, как уже отмечалось, исходит из идеологической догмы, что только она является единственной причиной и средством такого зла, как эксплуатация человека человеком. Но и при общественной собственности на средства производства имеет место эксплуатация. Опираясь на марксизм, можно заключить, что она «присутствует» и при коллективной форме собственности, ибо владельцы предприятия непосредственно присваивают хотя бы небольшую часть прибавочного продукта, созданного наемными работниками, т. е. теми, которые не имеют доли в этой собственности.

Несмотря на широкое обсуждение ряда актуальных проблем перестройки, периодически даже на самых высоких уровнях высказывается озабоченность, что до сих пор не разработана ее концепция. Но, по нашему мнению, в сфере экономики эта концепция уже существует. Однако вместо делового ее обсуждения органы массовой информации, а также некоторые научные журналы занялись ее преследованием. В частности, имеются в виду документы, определяющие экономическую самостоятельность Прибалтийских союзных республик, основные принципы которой, отдавая дань первопроходцам, назовем «эстонской моделью экономики».

Эта модель практически охватывает весь спектр направлений перестройки нашей экономической системы, в том числе повсеместный переход на рыночные принципы хозяйствования, децентрализацию государственной собственности и плюрализм ее форм, реализацию основ исключительно экономической заинтересованности в труде. Для освобождения экономики от пут феодального устройства каждой союзной республике необходимо реализовать подобную модель, учитывающую специфические особенности своего социально-экономического положения и культурного развития, национально-исторические традиции и природные условия*.

* В Грузии разработаны несколько концептуальных вариантов экономической самостоятельности; наиболее развернутым среди них является [5].

По поводу эстонской модели возникает ряд спорных вопросов. Это прежде всего касается признания собственностью союзной республики ее национального богатства, упразднения союзного подчинения предприятий, реализации частной собственности, наличия республиканской валюты.

Наше положительное отношение к эстонской модели экономики дано в [6]. Здесь же приведем небольшое замечание для противников введения в республиках собственных денежных единиц [7]. Они, в частности утверждают, что последние могут воспрепятствовать созданию общесоюзного рынка средств производства, о необходимости которого ратуют и сторонники эстонской модели. Не вдаваясь в детали данного вопроса, укажем, что о неправомерности подобной его постановки свидетельствует мировая практика, когда наряду с наличием у каждого государства собственной валюты успешно функционирует международный рынок средств производства.

В заключение еще раз подчеркиваем, что реализация в союзных республиках модели экономики аналогичной эстонской, может явиться одним из важных шагов в преобразовании нашего общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сухотин Ю. В., Дементьев В. Е. К обновлению ориентиров экономической теории// Экономика и мат. методы. 1989. Т. XXV. Вып. 3.
2. Корнаи Я. Личная свобода и реформа социалистической экономики// Экономика и мат. методы. 1989. Т. XXV. Вып. 3.
3. Кузнецкий рабочий. 1989. 1 авг.
4. Шохин А. Н. Социальные проблемы перестройки. М.: Экономика, 1989.
5. Концептуально-нормативная модель ЭДС// Молодежь Грузии. 1989. 28 сент.
6. Папава В. Перестройка отраслевой структуры// Заря Востока. 1989. 14 июля.
7. Юнь О. Компромиссы и интересы// Известия. 1989. 16 июня.

Поступила в редакцию
16 X 1989